

К ЕДИНСТВУ КУЛЬТУР ЧЕРЕЗ СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА

Иллюстрации В. Ельникова

БОГАТЫРЬ КУЛАКЧА

Жил-был когда-то в берестяном аиле старик Кураны со своею старухой. Зубы у старика пожелтели, кожа высохла, бородёнка белая стала, как у белого козла. Но сам старик быстрый, лёгкий был, всякое дело у него спорилось. К старости спина у него согнулась, и прозвали его Кураны-горбатый.

Не было у стариков ни земли, ни скота, а всё их имение — пегий конь. Ноги коня с годами длинной шерстью, как мохом, обросли, грива, словно инеем подёрнутая, поседела. Верхом на пегом коне старик Кураны пас неисчислимые стада Чадак-пая.

Вот однажды заболела старуха, и пошёл старик к Чадак-паю. Низко ему поклонился:

— Помогите нам.

На стойбище Чадак-пая шёл большой пир, гости мясо ели, чай пили.

— Помогу, помогу. Такому верному пастуху как не помочь? — сказал Чадак-пай.— Мы сегодня двадцать баранов зарезали,— возьми себе все сорок бараньих ушей, сваришь своей старухе похлёбку.

Пришёл Кураны домой, поставил котёл на очаг, налил воды и высыпал туда бараньи уши. Здесь ушки согрелись, проклюнулись у них глазки, пробились ножки, ручки. Выскочили они из котла, стали по аилу бегать, скакать.

Старуха засмеялась, болезнь ушла.

Сначала старики ушкам обрадовались, потом устали, спать легли и ушек всех под одно одеяло уложили.

Утром уехал Кураны на пастбище, вечером возвращается, а старуха и говорит ему:

— Беда с этими ушками: суп едят — обжигаются, спать лягут — дерутся, встанут — через костёр прыгают. Того и гляди, в огонь попадут!

— Ничего не поделаешь, надо терпеть.— сказал старик,— куда их денешь? Была бы на них шерсть, пустил бы их на волю.

И тут ушки встали на четыре лапки, обросли шерстью, выпустили хвосты, обернулись сусликами и убежали.

— Ох, ах! — запричитала старуха.— Что ты натворил, старик, своим длинным языком! Обиделись ушки и нас покинули. Хоть бы один остался, был бы он нам вместо сына.

— А я остался! — вдруг услышали старики тонкий голос.— На меня чашка опрокинулась!

Подняли чашку, а под ней, оказывается, малыш сидит. Обрадовались старики, имя своему малышу дали — Ушко-Кулакча.

Был Кулакча так мал, что мог верхом на черенок ножа сесть,

в опрокинутой чашке будто в аиле жил. Никогда не унывал, песни пел, смеялся.

Вот однажды сказал своему сыночку старик Кураны:

— Милый Кулакча, нам совсем есть нечего. Я поеду верхом в соседнее стойбище, попрошу там у людей хоть горсть ячменя, а ты вместо меня выгони скот на пастбище.

Утром овцы сами к сладкой траве, к чистой воде поспешили. Но как их вечером к стойбищу пригнать?

В густой траве пастушка Кулакчу не видно, у звонкой реки голоса его не слышно.

Подошёл Кулакча к жожаку-козлу, забрался к нему в ухо да как крикнет! Испугался козёл, побежал к стойбищу, овцы за ним.

Увидел Чадак-пай овец, а пастуха нет. Чадак-пай как Катунь-река у камней зашумел, как буран загремел:

— Где Кураны-горбатый? Почему скот без пастуха?

От этого страшного крика малыш Кулакча на землю упал, спрятался в норке своего братишки-суслика и сидит там.

— Эй, рабы! — закричал Чадак-пай.— На коней садитесь, на пастбище скачите, Кураны-горбатого ко мне приведите.

Трое рабов вскочили на коней, поскакали на пастбище, но Кураны там нет. Помчались к берестяному аилу — там у костра сидела старуха.

— Эй, старая,— закричали рабы,— где Кураны-горбатый?

— Пошёл у людей ячменя просить...

Рабы опять на коней вскочили, вернулись к Чадак-паю, повторили, что слышали, да ещё от себя, рабы души, прибавили:

— Повелишь из-под земли его вытащить — вытащим, повелишь с неба достать — достанем, но на пастбище мы его не нали.

Чадак-пай руками толстые бока подпирает, правую ногу в красном сапоге вперёд выставил, нижнюю губу выпятил, глаза его, как ядовито-жёлтые озёра, зубы его, как волчьи клыки. Он усы погладил и произнёс:

— Перелётная птица к своему гнездовью возвращается. Беглый раб обратно к хозяину придёт. За то, что трёх коней своих напрасно потревожил, накажу старика Кураны.

Так пригрозил и пошёл в свой белый шатёр.

Когда все люди разбрелись по стойбищу, вылез Кулакча из норки, отряхнулся и побежал домой.

Старик Кураны, оказывается, уже здесь, у костра сидит, трубку курит, а старуха кашу успела сварить.

— Здравствуй, сынок,— сказали старики,— видишь, добрые

люди нас пожалели, ячменя дали.

Кулакча поел, залез под опрокинутую чашку — спать не спит, лежать не лежит.

Вот слышит он топот коня, вот слышит он голос Чадак-пая:

— На кого вчера скот мой оставил, Кураны?

У старика руки дрожат, коленки друг о дружку стучат, голова поникла. Слова в ответ сказать не смеет.

А Чадак-пай нахмурил брови:

— Вчера трое моих рабов верхом на быстрых конях тебя, Кураны-горбатого, искали, коней чуть до смерти не загнали. Кони вспотели, изо рта пена хлопьями падала. За пот и пену трёх коней ты, Кураны, будешь три месяца даром работать.

Поднял плеть и ускакал.

— Кто теперь голодных нас накормит,— запричитала старуха,— кто холодных согреет?

Тут Кулакча вышел из-под чашки и сказал:

— Холодных вас я обогрею — костёр зажгу. Голодных вас я накормлю — пищу добуду. Посадите меня верхом на пегого коня.

Подняла старуха своего сыночка, посадила верхом на палец, дала вместо повода оленью жилу:

— Скачи, скачи, мой сын, Кулакча-богатырь.

Сдвинул брови Кулакча и сказал густым голосом:

— Завтра утром заседлайте коня, приторочьте к седлу пустые Сумины.

Так сурово-сердито он говорил, что родители не посмели послушаться. Приказал Кураны своей старухе сшить сыночку новую шапку с двумя шёлковыми кисточками. Утром посадили его на коня, и поехал Кулакча, держась за гриву.

Медленно переступает мохнатыми ногами пегий конь. Идёт по синим горам, по белым пескам, по чёрным камням, по густой траве. Большие реки мелкими бродами переходит, через быстрые ручьи шагает, не забрызгав копыт.

Кулакча песни поёт о высоких горах, о чистых ключах, о Катунь-реке. Так с песней пришли на стойбище, где айлы, как стога, тесно друг подле друга стоят.

Услыхали люди песню, вышли из айлов.

— Кто поёт так красиво? Где ты, певец, отзовись?

Стоит конь с пустыми суминами, перекинутыми через седло, опустил до земли седую гриву, губы у него отвисли.

Песня гудит, звенит, а певца не видно.

Но вот оборвалась песня, и люди услышали голос:

— Сыпьте ячмень в сумины! Кураны-горбатый есть хочет!

Испугались люди, насыпали ячменя полные сумины, перекинули сумины через седло, хлестнули коня:

— Беги подальше, говорящий конь!

Спешит Кулакча домой, радуется. Он синему цветку протяжную песню поёт, а цветам жёлтым и красным плясовые песни напевает. Улыбаются певцу цветы жёлтые, смеются красные, даже всегда печальные синие подняли головки.

Приехал Кулакча домой.

— Отец, мать, я вам ячменя привёз!

Будто солнце к солнцу прибавилось, луна — к луне, так радостно стало в ветхом аиле. Смеются отец и мать, ласкают малыша.

— Скажи, отец,— спрашивает Кулакча,— почему ты Чадак-пая боишься?

Опустил голову отец, трубку изо рта вынул:

— Силён Чадак-пай.

Разгневался Кулакча и ушёл из дома.

Идёт он лугами, идёт лесами, по каменным россыпям ступает, с камушка на камушек прыгает. Люди малыша не замечают, собаки не чуют, только суслики тревожатся:

— Куда идёшь, братец?

— К аилу Чадак-пая.

— И мы с тобой.

Идёт Кулакча, а за ним бегут тридцать девять сусликов. Пришли к белому аилу. Суслики остались снаружи, а Кулакча пролез в щёлку, притаился в аиле. Никто его не видит, не слышит, но сам он всё примечает.

Чадак-пай сидит на белой кошме, ест жирное мясо, сало с губ на землю каплет. Старшая жена мешает длинной палкой кислое молоко — чегёнь,— налитое в высокую узкую посудину. Младшая жена деревянного идола тёплой хмельной аракой обрызгивает, чтобы всегда в доме богатство-счастье было.

Поел Чадак-пай, усы ладонями обтёр и говорит:

— Никому никогда ничего не надо дарить. Но следует с каждого взыскивать. Вот взыскал я с Кураны-пастуха за пот моих трёх коней, а кони только поразмялись маленько, ничуть не вспотели...

Услыхав такие слова, почернел от гнева Кулакча. Позвал он братьев-сусликов. Те прибежали в аил, стукнулись о землю и снова стали бараньими ушками. Выпустили ножки, замахали ручками, замигали глазками и давай бегать по полу, по жердям!

Старшая жена испугалась, чегень разлила, палку из рук

выронила, Чадак-пая по лбу стукнула. Младшая жена идола опрокинула, упала, Чадак-пая по затылку больно ударила.

А Кулакча взобрался на край дымохода, сидит там, ногами болтает, смотрит вниз и смеётся.

— Кто ты, наверху сидящий? — взмолился Чадак-пай, на колени опустился, брюхом земли коснулся.— О-о-о! Смерть ли меня чует, добро ли меня ждёт? Окажи помощь, помоги...

— Будешь знать, как обижать Кураны-пастуха! — запищали с пола, с жердей бараньи ушки, затопали ножками, захлопали ручками, замигали глазками.

— Ох-ох! — стонал Чадак-пай.

— О-о-о! — плакали его жёны.

А Кулакча так сильно смеялся, что упал с края дымохода, ударился о землю, встал и до неба достал.

Большой аил Чадак-пая ему как шапка, широкие кошмы свернулись под пяткой Ушко-богаты, будто осенние листья.

Он шагал по Алтаю, а люди, кто верхом ехал, спешивались, чтобы красотой богатыря полюбоваться. Кто пешком шёл, на землю ложился, чтобы лицо богатыря увидеть.

Против большой горы он, как другая гора, а прежде, бывало, на черенке ножа верхом скакал, в деревянной чашке, как в аиле, жил.

Когда Кулакча-богатырь на коне едет, тридцать девять его братцев следом за ним бегут, ножками топчут, ручками машут. Когда Кулакча-богатырь пешком идёт, тридцать девять братцев на коне в седле сидят, песни поют, смеются. Кулакча-богатырь с ними не расстанется, потому что в беде и маленький может большому помочь.

Весело, светло в аиле старика Кураны, когда соберутся все тридцать девять маленьких и один большой сын!

Солнечной радости не знавшим старикам родителям своим богатырь Кулакча солнце дал, лунной радости не знавшим — луну подарил. Будь же ты, Кулакча, как росистый куст цветущего маральника, свежий, как смолистый корень кедра, крепкий. Сто лет живи, на быстром коне езд. На этом наша сказка кончается. Что нужно было вам, люди, рассказать мы всё рассказали.

Мальчик с пальчик

Давным-давно на одном из японских островов жили муж и жена. Жили они в любви и достатке, но не было у них наследника. Каждый год ходили они в храм молить бога, чтоб послал он им сына. «Пошли нам, господи, сына! Не важно, какого он будет роста!» И наконец, бог сжалился над бездетной парой и у них появился ребенок, и был он ростом всего лишь с палец взрослого человека.

Супруги заботливо растили сына и он стал уже симпатичным молодым человеком, но совсем-совсем не вырос и все звали его Иссун-боши (иссун — это мера длины, около 3 сантиметров).

И вот в один прекрасный день Иссун-боши сказал родителям, что хотел бы поискать счастья в городе. Родители не хотели отпускать сына в опасное путешествие, но он стоял на своем. Тогда отец сделал ему меч из иголки для шитья и вложил его в ножны из соломинки. Иссун-боши сел в лодку, сделанную из миски, и оттолкнулся от берега веслами, которые мать сделала ему из палочек для еды. День и ночь плыл отважный Иссун-боши,

пока наконец не достиг города.

Долго Иссун-боши шел по городу, пока наконец не оказался он перед величественным княжеским дворцом. Он встал у ворот и громко сказал стражникам: «Я прибыл в ваш город, чтобы служить и учиться. Прошу вас принять меня на службу.» Но он был настолько крошечным, что охрана не обращала на него внимания. «Я — здесь! Я — здесь!» — кричал Иссун-боши.

Наконец стражники увидели его и сняли гэта (японские сандалии). Иссун-боши был предоставлен князю. Он взошел на ладонь правителю, преклонил колени и поклялся служить князю до самой смерти. Князю очень понравился симпатичный и скромный молодой человек и он сделал его своим слугой. Умный и смелый юноша полюбился всем в княжеском замке, но больше всего — дочери князя. Вскоре он стал ее личным секретарем.

Однажды принцесса в сопровождении Иссун-боши пошла на молитву в храм Киомицу. Внезапно, как из-под земли, перед ними оказались два страшных людоеда. Они загородили дорогу и уже хотели съесть принцессу. Иссун-боши выхватил меч из соломенных ножен и смело бросился на людоедов. В пылу

сражения один из людоедов проглотил юношу, но тот не растерялся и без усталости колотил людоеда изнутри.

Это было так больно, что людоед поспешил выплюнуть Иссун-боши, а тот запрыгнул другому разбойнику на бровь и вонзил свой меч ему прямо в глаз.

От крика побежденных людоедов задрожали горы. Они бросились наутек, а один из них, убегая, потерял волшебный молоток.

Принцесса подняла молоток и сказала: «Если постучать этим молотком, он исполнит любое желание. Подумай, чего ты хочешь: дворец, золото, гору риса?» Иссун-боши ответил: «Не нужны мне дворцы, не нужны горы риса, не нужно все золото мира. Все, что я хочу — это стать такого же роста, как все!» Тогда принцесса кивнула и начала ударять волшебным молотком и припевать: «Вырастай-ай-ай! Вырастай-ай-ай!»

В мгновение ока Иссун-боши превратился в рослого, красивого воина. Они с принцессой вернулись во дворец, и та рассказала князю о своем чудесном спасении.

Иссун-боши вскоре женился на принцессе. Они жили долго и счастливо вместе с родителями в доме Иссун-боши.

Кто не верит — поезжайте в Японию. Эту историю подтвердит вам любой японец, даже самый маленький.

ЛИПУНЮШКА

Жил старик со старухой. У них не было детей. Старик поехал в поле пахать. А старуха осталась дома блины печь. Старуха напекла блинов и говорит:

— Если бы был у нас сын, он бы отцу блинов отнёс; а теперь с кем я пошлю?

Вдруг из хлопка вылез маленький сыночек и говорит:

— Здравствуй, матушка!

А старуха и говорит:

— Откуда ты, сыночек, взялся и как тебя звать?

А сыночек и говорит:

— Ты, матушка, отпряла хлопочек и положила в столбочек: я там и вывелся. А звать меня Липунюшкой. Дай, матушка, я отнесу блинов батюшке.

Старуха и говорит:

— Ты донесёшь ли, Липунюшка?

— Донесу, матушка...

Старуха завязала блины в узелок и дала сыночку. Липунюшка взял узелок и побежал в поле.

В поле попалась ему на дороге кочка, он и кричит:

— Батюшка, батюшка, пересади меня через кочку! Я тебе блинов принёс.

Старик услышал с поля — кто-то его зовёт, пошёл к сыну навстречу, пересадил его через кочку и говорит:

— Откуда ты, сынок?

А мальчик говорит:

— Я, батюшка, в хлопотке вывелся, — и подал отцу блинов.

Старик сел завтракать, а мальчик говорит:

— Дай, батюшка, я буду пахать.

А старик говорит:

— У тебя силы не достанет пахать.

А Липунюшка взялся за соху и стал пахать. Сам пашет и сам песни поёт.

Ехал мимо этого поля барин и увидал, что старик сидит завтракает, а лошадь одна пашет. Барин вышел из кареты и говорит старику:

— Как это у тебя, старик, лошадь одна пашет?

А старик говорит:

— У меня там мальчик пашет, он и песни поёт.

Барин подошёл ближе, услышал песни и увидал Липунюшку.

Барин и говорит:

— Старик! Продай мне мальчика.

А старик говорит:

— Нет, мне нельзя продать, у меня один только и есть.

А Липунюшка говорит старику:

— Продай, батюшка, я убегу от него.

Мужик и продал мальчика за сто рублей. Барин отдал деньги, взял мальчика, завернул его в платочек и положил в карман. Барин приехал домой и говорит жене:

— Я тебе радость привёз.

А жена говорит:

— Покажи, что такое?

Барин достал платочек из кармана, развернул его, а в платочке ничего нету. Липунюшка уж давно к отцу убежал.

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛАКЧА БОГАТЫРЬ (А.Н. Гарф, П.В. Кучияк).....	1
МАЛЬЧИК-С-ПАЛЬЧИК (Из сборника сказок японских островов).....	8
ЛИПУНЮШКА (обработка Л.Н. Толстой).....	11

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарф А., Кучияк П., Алтайские сказки. -М.: Детская литература, 1974 г.
2. Земляника под снегом. Сказки японских островов – М.: РИПОЛ классик, 2011 г.
3. Толстой Л.Н., Липунюшка. Сказки.- М.: Советская Россия, 1988г.